

ЭСМИРА ИСМАИЛОВА

ЛЮБОВЬ ПО-СТАМБУЛЬСКИ

СЕРДЕЧНЫЕ АВАНТЮРЫ
В САМОМ
ГАСТРОНОМИЧЕСКОМ
ГОРОДЕ

Еда, города, истории. Книги со вкусом путешествий

Эсмира Исмаилова

**Любовь по-стамбульски.
Сердечные авантюры в самом
гастрономическом городе**

«ЭКСМО»

2024

УДК 641.55:908(560)
ББК 36.997+26.89(5Туц)

Исмаилова Э.

Любовь по-стамбульски. Сердечные авантюры в самом гастрономическом городе / Э. Исмаилова — «Эксмо», 2024 — (Еда, города, истории. Книги со вкусом путешествий)

ISBN 978-5-04-197927-0

Стамбул и его просвещенные обитатели веками скрывали множество тайн, к разгадке одной из которых автор подошла в этот раз с полной ответственностью и отвагой. Ей пришлось окунуться в тонкости едва ли не самого пылкого языка на планете, спуститься в подземелье под «кровавым» собором в Балате, отыскать послание Зои Порфирородной, перепробовать с десятков блюд из поваренной книги повара Василевса и собственноручно сварить эликсир истинной любви из фиолетового базилика... Все это ради энигмы, которую тщательней всего охраняют коренные стамбульцы.

УДК 641.55:908(560)
ББК 36.997+26.89(5Туц)

ISBN 978-5-04-197927-0

© Исмаилова Э., 2024
© Эксмо, 2024

Содержание

Вместо пролога	8
Куратор в Египетском зале, или Как все начиналось...	11
Рецепт	25
Окурки. Кофе. И семьсот тридцать дней одиночества	26
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Эмира Исмаилова
Любовь по-стамбульски.
Сердечные авантюры в самом
гастрономическом городе

© Э.Исмаилова, текст, фото, 2024

© ООО «Издательство «Эксмо», 2024

Вместо пролога

Пристань Ортакей

Два года жизни на берегах Босфора... Примерно столько нужно стороннему наблюдателю, чтобы ощутить вкус совершенно новой реальности: она приправлена пряными специями, аромат которых разносят по городу восточные базары; полна сладостного кеифа, обитающего в душах добродушных горожан и передающегося воздушно-капельным путем каждому, кто по воле рока заплутает в лабиринтах пыльного города; она наполнена тонкими вкусами османской кухни, впитавшей в себя столько культур и традиций, что и подумать страшно...

Новые города – как и новые отношения: никогда не знаешь, что скрывается в незнакомом переулке: ценная достопримечательность или невзрачный тупик. Три года я шла по пятам скрытного города, выведывая сокровенные тайны его тысячелетней истории; засиживалась допоздна на закопченных кухнях, выискивая идеальные пропорции питательного напитка бозы и способы уменьшения калорий в сахарной пахлаве.

Меня преследовали тайны, разгадать которые не могли ни всеведущие экскурсоводы, ни неподъемные талмуды по истории. Повсюду, куда бы я ни ступала, приветствовали аккуратно вырезанные вифлеемские звезды на потертых каменных портиках, загадочные латинские аббревиатуры и заставляющие краснеть фаллические символы на стенах старейших византийских храмов...

В узких тупиках людного проспекта Истикляль я слышала шепот на старогреческом языке, пряталась в широких пассажах от подозрительных типов, ищущих пристанище там же от осенних дождей; жадно всматривалась в освещенные гостиные незнакомых квартир с высокими потолками и всегда распахнутыми окнами.

По дороге домой я непременно останавливалась у лотка с фаршированными мидиями. Как же мальчишка в сдвинутой набекрень кепке радовался моему появлению: аппетита мне не занимать! Он раскрывал специальным ножиком ракушку и щедро сбрызгивал ее сводящим скулы соком средиземноморского лимона. При виде ярко-желтого цитруса рот наполнялся слюной, и я в нетерпении предвкушала встречу с нежной мякотью оливкового моллюска.

Его нежный вкус кокетливо терялся среди рисовых зерен, кедровых орешков и крошечных ягод птичьего изюма... Стоит покончить с одной порцией, как догадливый мальчуган уже с хрустом вспарывает очередной ларец блаженства и удовольствия. Сытая и обессиленная, я медленно плелась домой, опьяненная долгими скитаниями по капризному городу.

И все было бы хорошо в этой великолепии будоражащих запахов, ярких характеров и проверенных столетиями сплетнях, если бы не одно «но»! Стамбул и его просвещенные обитатели веками скрывали множество тайн, к разгадке одной из которых я подошла в этот раз с полной ответственностью и отвагой. Мне пришлось окунуться в тонкости едва ли не самого пылкого языка на планете, спуститься в подземелье под «красавым» собором в Балате, отыскать послание Зои Парфирородной, перепробовать с десятков блюд из поваренной книги повара василевса и собственноручно сварить эликсир истинной любви из фиолетового базилика... Все это ради энигмы, которую тщательней всего охраняют коренные стамбульцы.

Как обрести прекраснейшее из чувств, как отыскать истинную любовь и проложить путь к сердцу единственного? Разгадка в тайнах, которые никогда не раскроет Стамбул, но о которых поведаю я в третьей книге о своенравном и неповторимом городе на семи холмах.

Куратор в Египетском зале, или Как все начиналось...

15 сентября, г. Стамбул

Распродажа имущества новоиспеченной мигрантки. – Тысяча кунжутных зернышек и толстый слой каймака. – Эффект первой брачной ночи спустя десять лет. – Международные браки и ярко-красные свидетельства об их заключении. – Ритуальные бинты на высушенных пальцах мумии. – Завидное постоянство мужчин. – Меркантильный план расчетливых женихов. – Ода кинзе и петрушке голосом Паваротти. – Венецианское просекко и миниатюрные ши-тцу. – Аджука на завтрак в крохотной студии. – Многомиллионная империя и неисправимый лгун.

– Вы не могли бы написать обо мне в вашей следующей книге? – наивно поинтересовалась читательница из Сочи, переехавшая на ПМЖ в Стамбул. Она была взволнована и чересчур разговорчива, что неудивительно: сорваться в одночасье с насиженного места в университете и оказаться в незнакомой столице хаоса – под силу немногим. Девушка с опаской поглядывала на лежащего у входа в кафе бездомного пса размером с теленка и украдкой бросала взгляды на прехорошенького баристу, который, нужно признаться, был увлечен тем самым блохастым псом и собственной шевелюрой: он то и дело приглаживал караковые пряди у висков и ловил собственное изображение в до блеска начищенном питчере.

Старинные книги на полке в кафе в Бомонти

– Я влюбилась, – закусив нижнюю губу, призналась мне Лизонька: за сходство с героинями безнадежно печальной русской классики называть хотелось ее именно так. Обычно мои встречи с вновь прибывшими из стран СНГ туристами заключались в подписывании книг на качающемся столике в ближайшей к дому кофейне и премилой беседе минут на тридцать. Но в тот день все пошло не по сценарию...

– Понимаете, прочитав ваши книги, я полюбила Стамбул так, как не любила никого и ничего в своей жизни. Я перестала спать и ночами представляла себе, как где-то там, на дру-

гом конце Черного моря, горят прибрежные огни в рыбацких деревушках... Ведь вы об этом писали... А граф Плещеев? Вы можете меня с ним познакомить? Я вас очень прошу...

Глава за главой, Лизонька в мельчайших деталях описывала героев и эпизоды, многие из которых были чистейшим вымыслом, хоть и очень схожим с реальностью.

– Я продала бабушкину квартиру, папину машину и все-все, что у меня было, чтобы переехать сюда. Потому что знаю, что встречу свою любовь только на берегу Босфора.

– Но откуда у вас такая уверенность? – задавая вопрос, я с ужасом представляла себе масштабы трагедии семьи этой новоиспеченной мигрантки, спустившей все имущество с легкостью бездарного аукциониста.

– Но как же? Ведь у вас в книге написано, что... Сейчас я вам покажу, – и она начала поспешно листать страницы до боли знакомого издания, в котором, я готова была поклясться, не было и намека на экстремистские призывы избавляться от нажитого непосильным трудом и нестись сломя голову в незнакомый город за любовью всей своей жизни.

– А если вы все же не встретите здесь любовь? Или это произойдет не так скоро? – я пыталась мягко прощупать характер рискованной девицы и готовность отказаться от задуманного, но та снова потянулась за книгой, в которой, видимо, был ответ и на этот вопрос.

Мы договорились снова встретиться через какое-то время. И с этого дня все пошло не так. Чувство вины душило меня по ночам и иногда являлось полупрозрачными снами, в которых сотни девушек корили меня в излишней романтизации города и в особенности идеализации его мужского населения. К утру я выглядела так, что даже Дип, не видевший во мне никогда никаких изменений (будь то новые стрижка, платье или отсутствие макияжа), очень грустно вздохнул. Дальше самостоятельно нести это бремя ответственности я была не в состоянии и изложила свои страхи и опасения невозмутимому супругу, который в это время намазывал толстый слой каймака на воздушный симит и поглядывал на баночку с медом, что стояла в метре от него. Я вежливо придвинула ее к счастливому обладателю вкуснейшего из завтраков и стала разливать чай из пузатого чайданлыка¹, который не мешало бы начистить. Моя опухшая от недосыпа физиономия расплывалась в нем на манер кривого зеркала в комнате смеха, однако тогда это отнюдь не веселило.

Дип тщательно пережевывал кунжутные бублики, которые пекла хорошо знакомая нам тейзе² и каждое утро продавала их в красной тележке в двух шагах от дома – напротив итальянского бистро «Isola». Не было ни дня (за исключением воскресенья), чтобы она не заняла свой почетный пост, позволявший богемным жителям обленившегося района Бомонти вести типичный для стамбульцев образ жизни – начинать утро с хрустящего симита и тысячи кунжутных зернышек на нем.

– Ты ничего не романтизировала, дорогая. Я думаю, тебя подставили. Виноваты другие... – наконец заговорил Дип и тут же приступил к огненной аджуке, ложку которой непременно съедает на завтрак каждый уважающий себя стамбулец. Местные женщины верят, что ее состав гарантирует «идеальный уклад» на супружеском ложе. Кто бы мог подумать, что особая пропорция перечной и томатной паст в сочетании с орехами и несколькими другими ингредиентами дают ошеломляющий эффект первой брачной ночи даже спустя десятилетия совместной жизни. И так повелось, что в холодильнике каждой добропорядочной домохозяйки не всегда можно отыскать банку свежего йогурта, однако кясе³ аппетитной аджуки, тщательно затянутой пищевой пленкой, всегда будет стоять на самой почетной полке.

---

¹ Чайданлык – специальная конструкция для заваривания традиционного турецкого чая, представляющая собой два небольших чайника, поставленных один на другой.

² Тетушка (*тур.*).

³ Кясе – чаша, небольшая емкость для сервировки и хранения продуктов питания в Турции.

Не имея сил наблюдать за нескончаемым актом чревоугодия собственного мужа, я отодвинула баночку и взглядом потребовала объяснить конспирологическую теорию с недоброжелателями. Дип недовольно поморщился.

– Я хочу сказать, что ты тут ни при чем. Уже задолго до тебя миф о сверхпривлекательности стамбульских мужчин будоражил женщин. Ты видела турецкие сериалы? Это же не кино, а ода мужской красоте и отваге. Вот все и стягиваются в Стамбул, рассчитывая на любовь с первого взгляда с кареглазым красавцем, – на этих словах он эффектно пригладил ладонью бровь, видимо, ощущая себя членом клуба стамбульских ловеласов.

Чмокнув в нахмуренный лоб рассудительного супруга, я поспешила одеваться.

– Теперь понятно, что нужно сделать! – пыталась докричаться я до него из спальни. – Мне нужно узнать все-все-все о стамбульской любви и написать об этом совершенно правдивую книгу. И тогда я смогу спокойно спать, не волнуясь о тех, кто по незнанию бросился на поиски счастья!

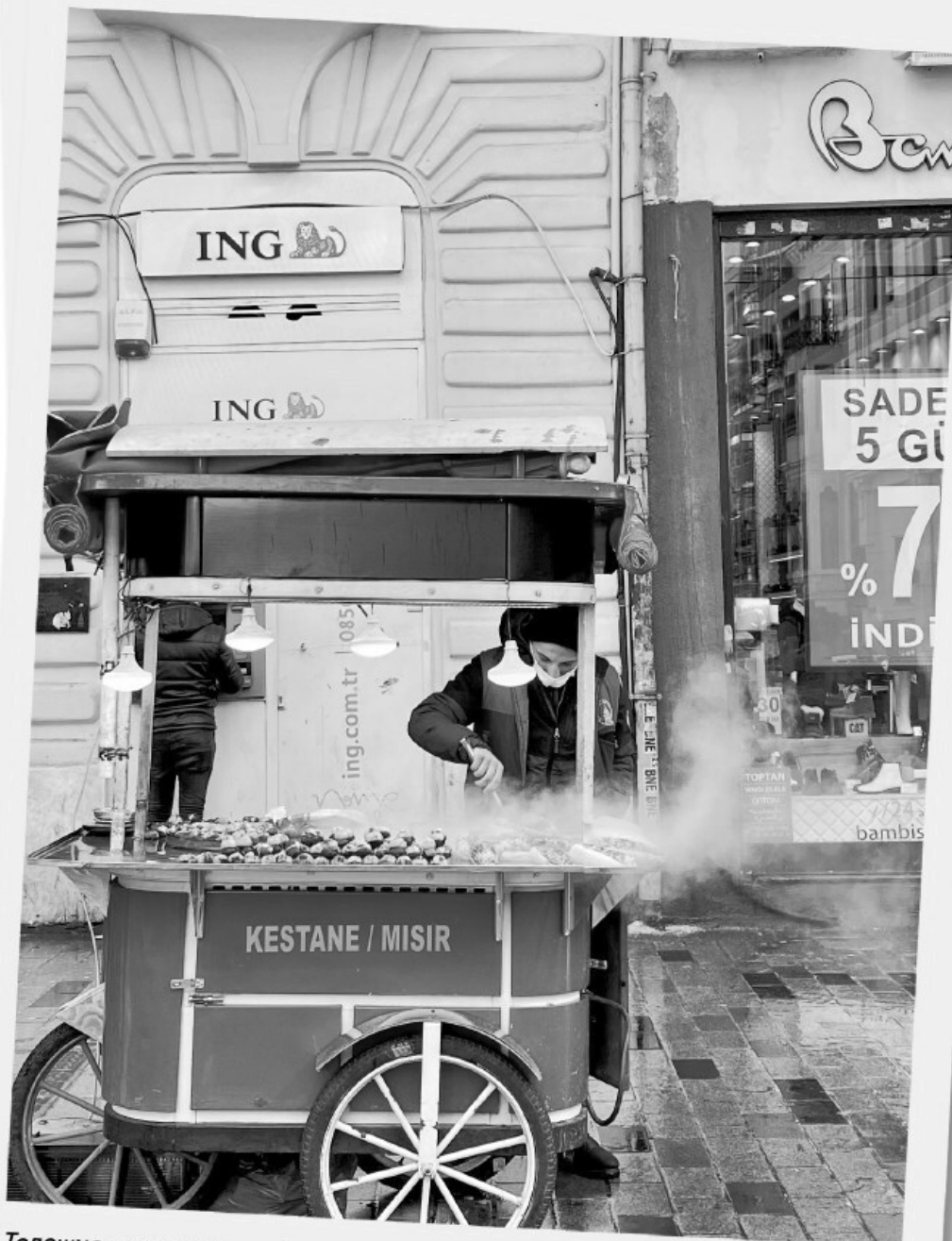
С того дня вся моя жизнь была подчинена пикантнейшей из тем, которую я намеревалась изучить во всех тонкостях, пусть даже и слишком интимных. Я стала чаще заглядывать в чужие окна, внимательно наблюдать за парочками на улице и даже прислушиваться к скрипу матраса соседей сверху, потому что все это казалось мне чрезвычайно важным в будоражащем исследовании любви по-стамбульски. Есть ли в ней что-то, ради чего стоит преодолевать тысячи километров по воздуху и воде, дабы оказаться в объятиях мужчины своей мечты? Конечно, смущал гендерный аспект изучаемой темы:

союз любящих сердец рассматривался исключительно в ситуации, когда жениха представляла турецкая сторона и никак иначе. Решив, что эта особенность вполне укладывалась в определение статистической закономерности, я решила не обращать на нее внимания и продолжила свое романтическое исследование.

Вооружившись любимым блокнотом фирмы Moleskine, я отчаянно ринулась в водоворот интриг, влечений, слабостей и пристрастий, которыми кипели улицы, дома, квартирники под протекающими крышами и роскошные апартаменты в резиденциях с видом на море. Стоило мне оставить детей в школе, как я что есть силы жала на педаль газа своего преданного «Санта Фе» и летела навстречу людям, которые, будто умело расставленные актеры, всегда оказывались в нужном месте и в нужный час. Иногда мне везло настолько, что даже не приходилось никого ни о чем спрашивать, так как местные жители прекрасно читают по глазам. Подслеповатые старушки сами заводят разговоры о милом прошлом, женщины средних лет грустно вздыхают, повествуя о проказниках-мужьях, виновных ни в одной измене и ни в одном предательстве; мужчины, боясь сболтнуть лишнего, сторонятся подобных бесед и все же порой выдают самые сокровенные тайны, которые легли в основу многих сюжетов. Все эти люди, герои моих историй, прошли увлекательный путь, а за ними следовала я – как оказалось, ничего не смыслившая в любви и совершавшая ошибку за ошибкой.

* * *

Тем временем быт, состоявший из ранних подъемов и завтраков, поездок в школу и обратно, нескончаемых пробок на главных дорогах и еще более утомительных заторов в узких мощеных переулках, окончательно поглотил меня и отвлек от занимавших ранее мыслей. Пробегаю мимо заведения, в котором впервые встретила девушку Лизу, я ловила себя на мысли, что должна поскорей разобраться в вопросе, в котором, казалось, сама ничего не смыслила. Если бы только истинная любовь была так проста, как мы о ней думаем, разве стали бы ей посвящать трактаты, романы, сонеты и даже раздел философии, изучающий это противоречивое чувство.

Тележка каштанчика в районе Бейоглу

Начавшийся сезон каштанов окутывал мою жизнь густым терпким дымом. Непроглядное марево, поднимавшееся над ярко-алыми прилавками улыбчивых «кестанеджи»⁴, возвращало в мысли о детстве – о печеной картошке на костре и жареных тыквенных семечках. Чистка каштанов давалась непросто: обжигая пальцы, я с трудом отделяла лопающуюся кожуру от золотистой мякоти, кое-где опаленной до черноты – обуглившиеся кусочки казались самыми сладкими.

⁴ Уличный торговец каштанами (тур.).

– Бери всегда угольки, – учил меня мудрый каштанщик, когда я, неопытная, несколько лет назад выбирала ровнехонькие сыроватые плоды. – В каштанах, как и в любви: чем больше шероховатостей, потертостей, тем веселее!

И хотя в моей картине мира любовь не входила в число развлекательно-увеселительных категорий, идея торговца каштанами казалась свежей и ободряющей.

Между тем межнациональные отношения, казалось, преследовали меня повсюду: в соседнюю квартиру заселилась молдаванка с женихом из Артвина⁵; классный руководитель дочери объявил о помолвке с девушкой из Сибири; голубоглазая блондинка с той-пуделем из соседнего дома приехала из Беларуси, чтобы выйти замуж за кареглазого эрзурумца Бору; иностранные коллеги мужа одна за другой влюблялись в местных мачо и создавали чудесные семьи с не менее чудесными малышами. Международные браки здесь были так популярны, будто их скрепляли сразу на небесах, и лишь потом новобрачные нескончаемыми шеренгами тянулись в Evlendirme Dairesi⁶, где получали ярко-красные свидетельства о браке в цвет турецкого флага.

Дип, как и все остальные в моем окружении, увливал от любой беседы на эту тему, так как я обсуждала межэтническую экзогамию за завтраками, обедами и даже во время ужина умудрялась вставить пару слов про возрастающий процент смешанных браков, что вызывало неподдельный интерес восьмилетней Амки, которая уже всерьез подумывала о замужестве.

– Мне кажется, тебе стоит прекратить копаться в чужом белье. Сколько еще ты будешь разбирать не касающиеся тебя темы? – как-то заметил Дип, готовясь ко сну. Он медленно расправлял балдахин, который служил нам сеткой от комаров, атаковавших еженощно. – Если стамбульцам нравится жениться на иностранках, пусть женятся – это их дело, кого пускать в свой дом, а кого нет.

– Но ты не спешишь впускать в нашу кровать комаров, – заметила я и скрепила края москитной сетки заколкой-крабиком, чтоб те не раздвинулись.

– Комарихи пьют кровь, а женщины – нет. Хотя... – он многозначительно посмотрел на меня, после чего залез под полог и принялся демонстративно похрапывать, чтобы я больше его не беспокоила.

– Но не все же народы охотно женятся на чужестранках. Вот, скажем, древние персы или египтяне вообще никого не принимали в семьи...

– Вот и спроси у древних египтян, – подавляя зевок, посоветовал Дип. – Может, они объяснят, почему бежали от жен-иностранок... В Стамбул как раз мумию Тутанхамона привезли. С твоими способности, уверен, ты ее легко разговоришь, – с этими словами он окончательно погрузился в дрему, а я принялась искать в телефоне детали о заезжей выставке из Египта.

Древняя история занимала меня с раннего детства. Свою роль в зарождавшемся чувстве преклонения перед загадочным миром фараонов и их великолепных спутниц сыграл кинематограф, подбрасывавший одну за другой картины о проклятиях гробниц и бесстрашных археологах. Все фильмы непременно заканчивались страстным поцелуем главных героев на фоне белесых, но величественных пирамид. Мне хотелось так же: бродить по лабиринтам древних некрополей, разгадывать тайны, а после утомительных приключений тонуть в объятиях привлекательного археолога под надзором прекрасной богини Бастед. В энциклопедии, которая покрывала мои потребности в познаниях о Древнем мире, богиня изображалась в виде знойной красавицы с головой кошки, что было вполне по-стамбульски. Любовь местных женщин к пушистым четвероногим безгранична и маниакальна. Они носят избалованных четвероногих охотниц на руках, как если бы те были изысканным аксессуаром. Кошки же, словно священ-

---

⁵ Артвин – город в северо-восточной Турции, недалеко от границы с Грузией.

⁶ Evlendirme Dairesi – ЗАГС в Турции.

ные жрицы, охотно соглашались на роль всеобещающего амулета, защищающего от неудач и приносящего исключительно радость и везение.

Размышляя о кошках в Древнем Египте и современном Стамбуле, я вспомнила об очаровательной Томбили – ее памятник уже который год красуется в азиатском районе города Кадыкёй. В глазах скульптора Севала Шахина кошка должна была пребывать в блаженной позе, радуя глаз проходящего, – такой он ее и изобразил. Подобную леность едва ли могли себе поз-

волить древнеегипетские прародительницы. Хотя кто знает, как бы вела себя женщина-кошка Бастед, окажись она в Стамбуле...

Итак, на следующий день в десять ноль пять я уже блуждала по затемненным залам с древнейшими экспонатами, вокруг которых кружила аура загадочности и пугающей мистики. Ритуальные сосуды и золотые приборы, изысканные украшения и элементы одежды, колесницы, троны, столы и стулья – все, что тысячи лет назад принадлежало молодому фараону, теперь предстало во всем своем великолепии перед чудаковатыми представителями двадцать первого века. Разглядывая маски с изображением Тутанхамона, я виновато признавалась ему в полной несостоятельности человеческого рода: мы до сих пор вели войны, теряли друзей и не находили любовь...

Подойдя к одинокой мумии, печально покоившейся в открытом саркофаге, я принялась увлеченно рассматривать ее черты: как бы кошунственно это ни выглядело со стороны, но мне хотелось распознать в ней нечто, что указывало бы на милый нрав и доброе сердце. Само сердце, судя по информационным табличкам у экспонатов, лежало тут же, в закупоренном алебастровом кувшине под названием «канопа». Если бы фараоны знали, что спустя столетия их бранные тела, лишённые духа, будут выставлять на всеобщее обозрение, отказались ли бы они от помпезных и дорогостоящих церемоний погребения в величественных пирамидах? Не лучше ли им было покоиться в никому не известном невзрачном склепе, где тебя никогда не отыщет претенциозный археолог и не растащит по частям по самым знаменитым музеям мира?

Тусклый свет нервно подергивался, и это легкое дребезжание неисправных осветительных приборов придавало еще больше таинственности и без того напряженной атмосфере. Неожиданно мумия подмигнула и странно скривила рот в безуспешной попытке улыбнуться. Я задрожала от увиденного и принялась озираться по сторонам: был ли кто-то еще свидетелем этого чуда?

Женщина средних лет справа сосредоточенно пыталась всковырнуть кусочек сердолика с церемониального блюда, парочка чуть поодаль с восхищением читала историю о любви Эхнатона и Нефертити, а прямо за моей спиной трое несносных мальчишек раскачивали статую самки бегемота. Один из братьев, выкрикивая что-то нечленораздельное, тянул ее за морду вниз, другие же толкали что есть силы сзади, так что каменный постамент ходил ходуном, что ничуть не смущало их мать, которая, облокотившись о витрину с драгоценностями супруги фараона, пользовалась моментом и весело болтала по телефону. Очевидно, заигрывание со мной мумии заметить никто не мог, и я снова принялась изучать таинственный саркофаг, от которого во все стороны разлетались притягательные флюиды. Фараон манил, и я готова была бежать к нему хоть в само царство Анубиса⁷, проделав непростой путь на папирусном челноке по нескончаемому Нилу, – чего бы мне это ни стоило!

За спиной послышались спешные шаги: молодая служащая в строгом брючном костюме синего цвета и бейджем на груди невероятно быстро преодолела расстояние от потайной двери в стене до несчастной статуи гиппопотама, схватила болтавшегося на ней мальчишку за руку, других ловко подхватила под мышку и двинулась к выходу, где передала их безответственной матери. Вернувшись, она деловито осмотрела статую, слегка поднажав бедром, придвинула ее ближе к стене и, оправив борта жакета, посмотрела на меня.

– Вы видели, что эти негодяи вытворяли с нашей Таурт?⁸ Еще немного, и она рассыпалась бы на мелкие кусочки. А я отвечаю головой за каждый экспонат. Представьте, их мать даже не извинилась...

---

⁷ Анубис – древнеегипетский бог, связанный с погребальными ритуалами и бальзамированием; проводник в царство мертвых.

⁸ Таурт – в древнеегипетской мифологии богиня, покровительствовавшая беременным и роженицам; изображалась в виде самки гиппопотама с женской грудью и традиционным париком на голове.

Я сочувствующе покачала головой и принялась снова всматриваться в застывшее выражение фараона.

– Думаете, оживет? – неожиданно спросила женщина и рассмеялась. Затем она хозяйским движением обернула развернувшиеся концы ритуальных бинтов вокруг высушенных пальцев мумии, хлопнула ее по худосочному бедру и принялась пристально рассматривать лицо, которое несколько минут назад подмигивало и улыбалось. Наконец, она послушав палец и собрала несколько лишних крошек с обездвиженного тысячелетиями лба, а я ощутила приступ подкатывающей тошноты.

– Мне эти мумии уже во сне снятся. Знаете ли, куратор выставки – та еще работка... Столько разговоров, рекламы, денег потрачено... И все ради этого, – и она совершила кощунственно-пренебрежительный взмах рукой в сторону фараона, к которому я уже успела слегка прикипеть душой.

– Вы считаете, древняя история не стоит этих усилий? – разочарованно и с обидой за Тутанхамона поинтересовалась я.

– История, может, и стоит, но эти копии, – и она вздернула типичный стамбульский нос, которые здесь направо и налево раздают во всех эстетических клиниках города. Рассматривая ее идеальный профиль, я не сразу восприняла услышанное, однако, осознав сказанное, едва не вскрикнула и даже отскочила от фальшивой мумии.

– Но ведь это нечестно... Люди приходят посмотреть на настоящие артефакты, а здесь подделки!

– В защиту выставки скажу, что подделки качественные. Хотя, думаете, меня это устраивает? Я столько лет училась, а теперь занимаюсь какими-то репликами – удовольствие то же, что и от женатого ухажера: по ночам интересно, а утром понимаешь, что завтракать все равно одной придется, – и от обиды она легонько ткнула пальцем несчастного фараона, который, впрочем, был обыкновенной куклой.

Мгновенно потеряв интерес к экспонатам, я решила раскланяться с откровенной кураторшей и поблагодарила за честность.

– Спасибо, что рассказали, а то я уже возомнила, будто мумия подмигнула, – от неловкости я покраснела и начала нелепо заикаться.

– Это еще ничего! Вчера одна дама здесь заявила, что является потомком Восемнадцатой династии Египта и потребовала выдать ей вон то ожерелье – якобы она чувствует с ним связь.

– И как вы поступили?

– Я поступаю всегда одинаково в таких случаях: нажимаю вот на эту кнопку рации, и охрана моментально решает любую проблему, – говоря это, она поднесла наманикюренный пальчик к большой кнопке сбоку, как будто собиралась использовать этот прием и сейчас.

Разговор казался незаконченным, и я решила немного его продлить, особенно учитывая, что и спешить мне было совершенно некуда:

– А я здесь практически с научной целью. Изучаю предпочтения мужчин в Древнем Египте... в плане выбора женщин.

– А я вам помогу в исследовании. Мужчины, видите ли, за тысячи лет практически не изменились: разве только фасон брюк сменили. Но это ведь мелочи...

– Но меня интересует другой момент: отчего фараоны брали в жены ближайших родственниц, а не принцесс других народов? Турецкие султаны, наоборот, предпочитали заморских женщин...

– Ах, вы об этом? Почему наши мужчины охотней соглашаются на брак с приезжей? Сами пострадали от этого, да? – с пониманием посмотрела она прямо в глаза.

– Нет-нет, – и я ткнула на кольцо на безымянном пальце. – У меня чисто научный интерес.

– А у меня личный, – и она постучала по нижней фаланге пальца, на котором не было ничего, кроме идеально подпиленного ногтя с покрытием в цвете бордо. – Знаете ли, я пострадавшая...

Я характерно для стамбульских женщин поджала губы и склонила голову набок – так здесь принято демонстрировать сожаление. Куратор фальшивой выставки пару раз шмыгнула носом – так здесь подтверждают желание поделиться накопленной обидой. Мы отошли в уголок, почти не освещаемый и оттого казавшийся еще более зловещим, и, в компании статуи бога Анубиса с собачьей головой, куратор принялась изливать душу по поводу многолетнего одиночества, которое она считала проклятием всей своей жизни.

– Не могу поверить, что у вас все так плохо. Вы молоды, красивы, наверняка умны... Мужчины должны виться вокруг вас...

– Yok artik!⁹Ни одного! Посмотрите, сколько девиц понаехало! И все как одна молодые, веселые, говорят с акцентом! Романтика, разве нет?

– Ничего, вы тоже хороши собой! Смотрите на девиц как на здоровую конкуренцию!

– А выгода? Жениться на иностранке очень выгодно! Никаких тебе расходов! К чертям традиции! У нас же знаете сколько ритуалов, обрядов... Помолвки, подарки... Золота сколько купить жениху надо. А с иностранкой расписался и будь здоров!

Как гром среди ясного неба на меня обрушилась суровая правда жизни – и как я сама не разгадала меркантильный план расчетливых женихов, которые стаями вились вокруг ничего не подозревавших приезжих красавиц.

– А родственники? У иностранок их практически нет, а если есть, то они никогда не лезут в жизнь молодоженов. Наши же будут и днем, и ночью ходить в гости и давать советы. Вот вам еще одна причина – избавление от потенциальной родни.

Как же все это было верно!

– Выходит, фараоны тоже избегали проблем с тещами, женись на сестрах?

Куратор ненадолго задумалась и грустно произнесла:

– Да все они одинаковые! Хоть сколько тысячелетий пройдет, мужчины никак не изменятся, вот увидите. А вообще фараоны женились на сестрах, потому что наследование трона в Древнем Египте шло по женской линии, так что и здесь шкурный интерес в своем прямом проявлении. И детей рожать умудрялись. Не всегда здоровых, но тут уж как повезет...

– А любовь?

– А что такое любовь? Вы ее где-нибудь видите? – и она начала демонстративно оглядываться кругом. – Я вам так скажу, любовь в интеллекте, а интеллект, к сожалению, явление редкое, – и она постучала пальцем по темечку, под которым, по ее мнению, находился тот самый интеллект. – Человечество глупеет, а это значит, что о любви мы скоро будем узнавать лишь из книжек позапрошлых столетий.

– А если человек любит сердцем, а не умом? – поинтересовалась я.

– Да вы у нас древняя египтянка! – И она закатила глаза наподобие того, как это делают неуравновешенные подростки во время неравного спора со взрослыми. – Когда-то в Египте тоже считали, что все-все чувства идут из сердца, а мозг – это так, рудимент. Представьте, при мумифицировании мозг даже не сохраняли, в отличие от других органов, – уму непостижимо! Какая же в таких условиях может быть любовь! Если вы начнете думать как мужчина, тут же поймете, что любви не существует.

– То есть влюбленные мужчины врут?

– Врут, ввали и будут врать! И притом безбожно. Так что не верьте им, – и она снова постучала по безымянному пальцу, намекая, что мое кольцо не дает мне никаких гарантий.

---

⁹ Уже нет! (тур.)

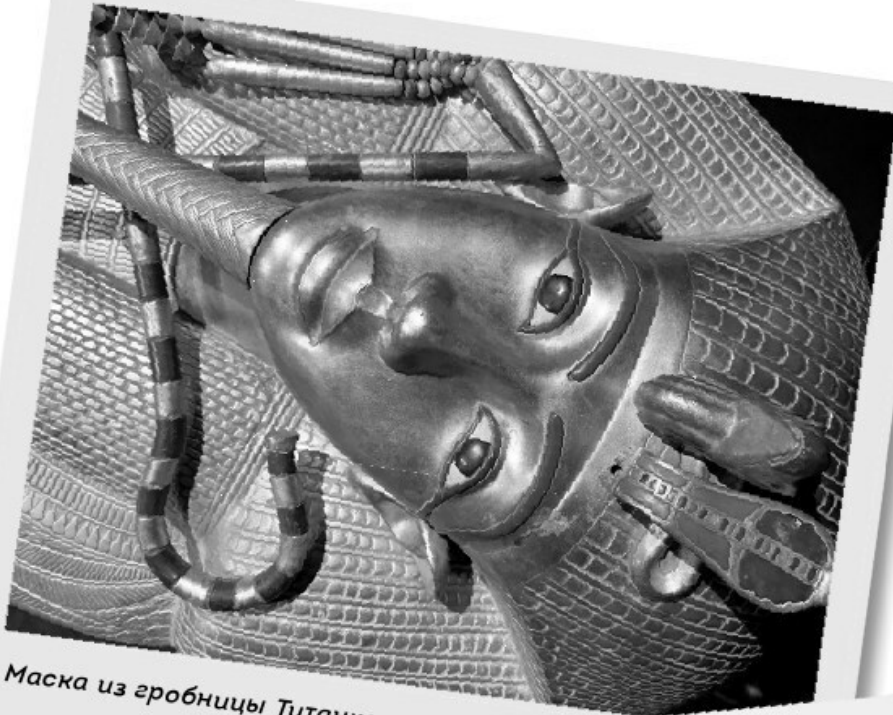
Перед уходом я снова глянула на одинокую мумию-фальшивку самого известного фараона. Смущенно втянув голову в холодном саркофаге, она как будто снова приветливо подмигнула, и в этот раз в нашем контакте я была абсолютно уверена. Возможно, мумия, выполненная из клееного папье-маше, хотела всего лишь подтвердить сказанное мужененавистницей-кураторшей или же, напротив, оспорить ее нелепые домыслы – как бы то ни было, мне многое предстояло обдумать и, главное, обсудить на досуге с очаровательной девушкой Лизой. Не осознавая того сама, я однажды уже бесцеремонно вторглась в ее жизнь своими книгами о несравненном городе-мечте. Теперь я просто обязана была снова повлиять на ход ее жизни.

Зачем?..

Мне хотелось предупредить ее о мелочности и коварстве мужского рода, предостеречь от неправильных шагов, просить вернуться домой к родным и близким, умолять выкупить прежнюю квартиру и никогда не верить более моим книгам. В книгах я писала о капризных старушках, приглашавших меня в свои пропитанные нафталином квартирки под черепичными крышами, чтобы отведать сарму из вишневых листьев; о приветливых официантах, угощавших горячим крепким чаем и не бравших за него плату; о веселом зеленщике, исполнявшем оду кинзе и петрушке голосом Лучано Паваротти прямо за прилавком на овощном рынке; писала о пышнотелой тейзе, учившей основам семейного счастья методом правильного заваривания турецкого кофе; о навязчивой банщице, продавшей мне с десятков идеальных кесе¹⁰, за которые я и сегодня благодарна; о талантливом шефе причудливого ресторана без меню, в котором меня обучили приготовлению лучшего десерта из осенней айвы... Но я никогда не писала о скверных скандальных водителях, всегда норовящих проскочить перед тобой на последней секунде зеленого светофора; о пронырливых и нечистых на руку торговцах с Египетского базара, которым ни при каких обстоятельствах нельзя верить на слово; о гадалках в пестрых одеждах на улицах прекрасного Нишанташи, которые за пять минут опустошат карманы и кошелек наивного простофили; о самовлюбленных гордецах с идеальными стрижками, охотящихся на ничего не смыслящих в жизни молоденьких девушек; о скандальных красотках с бокалами венецианского просекко в модных кофейнях, которые надменно шикают на официантов и благосклонны лишь к миниатюрным ши-тцу в ошейниках из крокодиловой кожи... Я не писала об этих людях, потому что за все годы жизни в Стамбуле ни разу не перекинулась с ними ни словом – настолько далеки мы были друг от друга. Но, умолчав, выходит, я создала превратную картину города, который полюбила глубоким безусловным и, очевидно, ослепляющим чувством.

---

¹⁰ Кесе – традиционная турецкая мочалка в виде варежки для мягкого скрабирования кожи лица и шеи. В основном используется в хаммамах.

Маска из гробницы Тутанхамона

Традиционная утренняя аджука из перечной и томатной паст, грецких орехов и специй

Примерно такой была моя речь при следующей встрече с чудесной неопытной Лизой, которая пришла с охапкой любимых мною альстромерий.

– Я узнала о том, что вам нравятся эти цветы, из книги, – улыбнулась девушка, и у меня снова защемило сердце. В который раз я ощутила вину за чрезмерную болтливость и неспособность держать язык за зубами – пусть даже на страницах собственных романов.

– Я буду с вами откровенна, Лиза, – мне все же пришлось собраться с духом и уйти от намеков. – Мне нужно вам сказать...

– Но прежде скажу я, – не выдержала Лиза и от переполнявшей ее радости не удержалась и захлопала в ладоши. – Вы моя путеводная звезда! Ваша книга помогла мне...

– Лишиться квартиры? – я все еще пыталась иронизировать себе под нос.

– Встретить любовь всей моей жизни! Если бы не вы, я бы никогда не решилась, никогда не узнала об этом городе любви, о моем Сельджуке...

Холодная дрожь пробежала по телу, и пот тяжелыми каплями обрамил лоб: я поняла, что опоздала.

– Вы уже успели кого-то встретить?

– Не только встретить, но и обручиться, – и она бросилась обнимать меня на радость плешивой кошке, которая тут же заняла ее кресло. – Он сейчас подойдет. Я столько ему о вас рассказывала... Он просто чудо! Еще я каждое утро готовлю ему на завтрак аджуку по вашему рецепту. Сельджук говорит, что она выложила дорогу в его сердце! Ах да, он даже переехал ко мне, в крохотную студию, представляете? Не испугался...

Зато испугалась я. Слова кураторши египетской выставки гремели в ушах: «Жениться на иностранке очень выгодно! Никаких тебе расходов!» Нужно было что-то делать. И пока я строčila под столом сообщение Дипу с просьбой о помощи, молодой жених явился со всеми атрибутами стамбульского мачо: идеальной укладкой, белозубой улыбкой и безупречным английским – вылитый Бурак Озчивит¹¹ в молодости. Он долго пожимал мне обе руки, благодаря за Лизу, отчего чувство вины росло во мне как на дрожжах. Я подозрительно всматривалась в его глаза, которые, нужно отметить, были бездонны и искренни, однако теперь меня было не подкупить, и я приняла решение вывести его на чистую воду. Пришло сообщение от мягкотелого Дипа: «Не лезь не в свои дела». Но разве я могла оставить бедную девушку с этим очаровательным прихлебателем? Дождавшись, пока доверчивая Лиза отойдет в дамскую комнату, я заговорила не свойственным мне тоном коварного заговорщика:

– Мне все известно, перестаньте притворяться хотя бы передо мной. Вы должны рассказать Лизе всю правду. Сейчас. – И для убедительности я зачем-то сощурила глаза так, что почти перестала его видеть. Он задумался на мгновение и, к моему превеликому удивлению, кивнул.

– Вы правы, я поступил очень дурно, не рассказав Лизе. Удивлен, как быстро вы меня раскрыли...

Наслаждаясь победой, я все же ощущала некий осадок от того, как легко она мне досталась. Раскрасневшийся Сельджук вспотел от неловкости.

– Понимаете, когда ты из такой семьи, как моя, очень сложно рассчитывать на искренность со стороны женщин. Поэтому мой отец настоял на такой игре, хотя я изначально был против, поверьте мне.

– О какой игре идет речь? – пришлось его поторопить, так как в конце зала показалась улыбающаяся Лиза.

– Игре, в которой я не сказал Лизе, что являюсь наследником многомиллионной империи отца... Я даже переехал к ней только для того, чтобы быть уверенным, что ей нужен именно я, а не мои деньги... Но теперь, я вас уверяю, ее жизнь превратится в настоящую сказку! Я признаюсь ей во всем немедленно!

---

¹¹ Бурак Озчивит (1984 г.р.) – турецкий актер, известный ролями в сериалах «Великолепный век», «Королек – птичка певчая», «Черная любовь» и др.

Не без удовольствия я слушала его искреннюю исповедь и понимала, что мужчины действительно неисправимые лгуны – что бы это ни значило...

Осенняя изморось поливала прохожих, и я, накинув капюшон, медленно брела к дому, в котором меня ждал совсем не стамбульский мужчина.

Рассматривая спорый танец дождя в свете фонаря, я улыбалась непогоде и тому, что историю девушки, бросившей все ради туманного счастья в незнакомом городе, ждал счастливый конец.

Любовь в больших городах особенна и неповторима: здесь невозможно без нее прожить ни дня. Яркими отблесками она блуждает по стеклянным стенам небоскребов, спускается на высоковольтные провода и скользит по ним, прошивая никогда не спящий город ночными флюидами – будоражащими и возбуждающими; она скатывается ближе к земле на блестящие крыши автомобилей, заглядывает в высокие витрины дорогих магазинов, залетает в распахнутые двери уютных ресторанов, оседает на дне винных бокалов, чайных стаканах-«армудах»¹² и, наконец, оказывается на губах – чтобы позже, в свете исполинской коралловой луны соединить в пылком порыве два сердца, которым отныне суждено будет биться вместе.

Но есть и те, к кому это загадочное чувство, праздно блуждающее по оживленным улицам и бурлящим площадям, никак не заглянет... И каждый день эти незадачливые горожане будут засыпать и просыпаться с надеждой – однажды сумеет разглядеть отблеск нежности в случайном прохожем, особенный взгляд в приветливом официанте; застенчивую улыбку в соседке, которая просит иногда посидеть с ее шпичем; искренний кивок приветствия в печальном молящемся у шадирвана ветхой мечети; озорной тон в приезжей студентке, не знающей ни слова по-турецки, или смущенный румянец в печальном профессоре, которому также все еще хочется полюбить.

С того самого дня я стала смотреть на Стамбул иначе: теперь, заглядывая в недра его необъятной души, я искала особое, ни с чем не сравнимое чувство – ЛЮБОВЬ, приправленную магической смесью заатар¹³, способной пробуждать нежные чувства не только в горячих сердцах, но и в искушенных желудках...

---

¹² Армуды – традиционные турецкие стаканы для чая грушевидной формы.

¹³ Заатар – смесь из восточных специй, часто используемых в турецкой кухне. Состоит из сумаха, кунжута, тимьяна, майорана и других ингредиентов.

Рецепт

Рецепт аджуки, ведущей прямиком к сердцу мужчины

Ингредиенты:

- 3 столовые ложки перечной пасты (салчи)
- 1 столовая ложка томатной пасты
- 4 столовые ложки оливкового масла
- 4 столовые ложки (примерно 50 г) чищенных грецких орехов
- 2 столовые ложки панировочных сухарей (можно измельчить один ломтик тостового хлеба)
- 1 столовая ложка гранатового соуса наришараба (можно заменить чайной ложкой лимонного сока)
- 2 зубчика чеснока
- Специи (каждой по 0,5–1 чайной ложке): зира, сушеная мята, черный перец, паприка.

Среди обязательных ингредиентов стамбульского завтрака непременно должна быть аджука – она пикантно оттенит диетическую яичницу, но, главное, не оставит равнодушным того, с кем мы делим самый ранний прием пищи. Некоторые называют аджуку закуской и ставят на стол к ужину, другие думают, что это пикантное мезе к стаканчику прохладной ракы, третьи видят в ней идеальную намазку для пресных крекеров и даже симитов. Однако, чем бы ее ни считали, секрет пряной и полезной пасты заключается в одном крохотном свойстве – связывать тесными узлами тех, кто питает друг к другу самые нежные чувства.

Едва ли не каждое утро я закладываю в чашу блендера разом все без исключения ингредиенты и хорошенько пробиваю их до нежной консистенции терракотового оттенка. Иногда меняю набор специй, исключаю чеснок – если предстоит важная встреча на короткой дистанции, или кладу чуть больше оливкового масла – в этом случае аджука приобретет перламутровый оттенок и станет мягче на вид и вкус. С этим блюдом можно фантазировать до бесконечности: добавлять в супы и салаты, к отварным крупам и несладким пирогам, намазывать на яйца вкрутую или просто уплетать ложками для поднятия настроения. Главное – делать это в компании преданного друга, что само по себе чудесно...

Окурки. Кофе. И семьсот тридцать дней одиночества

22 сентября, Стамбул

Шумная песня утренних «вапуров». – Дрессировка черепах и капризных детей. – Сладостный сон стамбульской элиты. – Находка для интровертов и социопатов. – Трамвайчик в прошлое «Ностальжик». – Секретное превращение в караковых жеребцов. – Цепкие заголовки прессы прошлого века. – Любовные страдания как признак хорошего тона. – Дворцовые люстры на дверях платанов. – Эйфоричный экстаз резвого халая. – Отсыревшие спички в озябших руках. – Благородные девицы преклонного возраста. – Высоконравственная вахта соседских старушек. – Кулинарная святая троица как способ выявления влюбленных.

Припарковав машину напротив Музея Пера, я бросила взгляд на часы: без пятнадцати девять. Сегодня мне понадобилось всего полчаса, чтобы преодолеть расстояние от школы (в которую я по утрам отвозила девочек) до одного из красивейших районов города, где никогда не бывает скучно. Спокойный залив приветливо заигрывал с безжизненным солнцем – оно никак не желало просыпаться. Затянутые в плотные тучи, грозившие вот-вот обрушиться на безлюдные улицы проливным дождем, его лучи с трудом дотягивались до середины неба и

растворялись в тяжелом влажном воздухе, так и не добравшись до гладкого Халича¹⁴. Еще полчаса – и мутные воды запляшут в такт шумным моторам «вапуров»¹⁵, соединяющих, словно нитями, два берега.

Музей Пера – место со смыслом, в котором я каждый раз спешу на третий этаж с одной-единственной целью: задержаться на несколько минут у картины Османа Хамди¹⁶ «Дрессировщик черепах». Мужчина в ярком дервишеском одеянии тщетно пытается дисциплинировать пять очаровательных пресмыкающихся, которые в это время наслаждаются салатными листьями, разбросанными по полу. С благоговейным трепетом я всматриваюсь в терпеливое лицо неунывающего дрессировщика, находя много общего между ним и мною в моменты убеждения капризных детей поступить подобающим образом. И он, и я знаем, что дрессировка черепах и детей бесполезна, и все же жертвенно играем определенную жизнь роль.

Музей еще закрыт, и я прохожу мимо, ловко уворачиваясь от моющей дорожку машины. Эти гигантские поливальные агрегаты на колесах ежеутренне будят рокочущим грохотом жилые кварталы, заставляя поеживаться в теплых постелях тех, кто привык просыпаться намного позже восхода солнца. Это своеобразная элита, позволяющая себе сладостный сон в то время, как «чопджу»¹⁷ и «симитджи»¹⁸ уже начали свой мелкий посредственный бизнес, заработка от которого едва хватает на день. Завтра, с рассветом, эти никогда не высыпавшиеся люди снова займут свои места на пустынных улицах города в ожидании скромных подаваний в виде трех медяков от редких прохожих с осунувшимися сонными лицами.

---

¹⁴ Залив Золотой Рог (*тур.*).

¹⁵ Пароход (*тур.*).

¹⁶ Осман Хамди (1842–1910) – турецкий живописец и археолог, основатель и директор Стамбульского археологического музея и Академии искусств в Стамбуле. Сын великого визиря Ибрагима Эджем-паши.

¹⁷ Мусорщик (*тур.*).

¹⁸ Уличный торговец симитами (*тур.*).

Чайки над Мраморным морем

Исторический трамвай «Ностальжик» на проспекте Истикляль

Начало осени, которую вот уже третий год подряд я неизменно провожу в Стамбуле, приправлено шепоткой золотой куркумы и присыпано жменей бледной сушеной мяты. Эти

ароматы витают вдоль широких тротуаров, по которым я неспешно бреду в надежде отыскать ответ на вопрос, который мучает меня последнее время.

Истикляль¹⁹ ранним осенним утром – находка для интровертов, социопатов и страдающих клаустрофобией особ. Широкая полоса безлюдного проспекта кажется совершеннейшей из улиц, особенно если присесть на одной из лавочек у остановки исторического трамвая. Нужно обязательно дождаться его приветливого позвякивания и глухого стука колес по тусклым стальным рельсам, которые будто бы разрезают пешеходную улицу на два параллельных мира: перепрыгнуть через рельсы – к удаче. Этим нехитрым упражнением занимаются сбежавшие с уроков мальчишки, а после ловко запрыгивают на подножку ретротранспорта, двигаясь так медленно, что подобные игры никто не считает опасными. Вот уже почти полтора столетия (если не считать перерыв в сорок лет в связи с утратой популярности электрического вида транспорта) очаровательный красный вагончик будит по утрам счастливых обладателей близлежащих квартир и создает незабываемую атмосферу старого Константинополя в глазах изумленных туристов. И хотя протяженность маршрута всего полтора километра, это небольшое расстояние от площади Таксим и почти до Галатской башни нужно преодолеть каждому именно на колесах, а после непременно вернуться пешком к запотевшим витринам антикварных магазинов и старинных кофеен.

– «Nostaljik» bekliyormusunuz?²⁰ – раздался за спиной незнакомый голос так неожиданно, что я дернулась, едва не выронив блокнот, в который делала наброски глав для новой книги.

Рядом стоял печального вида человек с охалкой бледно-розовых астр. Это был один из тех уличных торговцев, которые слоняются от рассвета до заката по людным улицам города, пытаясь всучить спешащим прохожим всякую дребедень: бутылку воды, упаковку влажных салфеток или, как в моем случае, букет подвявших цветов. Коренные стамбульцы относятся к этому виду навязчивой торговли с удивительным терпением, расценивая приобретения на улице как благотворительный акт и способ поддержать неимущих. Со стороны выглядит похвально и благородно, хотя мне до сих пор страшно вступать в переговоры с унылыми коммерсантами, и каждый раз я стараюсь перейти на другую сторону улицы во избежание странной встречи.

– Так вы ждете «Ностальжик»? – повторил цветочник в ужасно потрепанном костюме, однако начищенных до блеска остроносых туфлях. Исторический трамвайчик стамбульцы называют нежно «Ностальжик», как будто по сей день испытывают теплое чувство тоски по давно ушедшим временам изящного позапрошлого века.

Уныние – отличительная черта старожилков окутанного грустью города, которую они умело культивируют и превозносят до уровня высокой национальной идеи.

Вы редко встретите здесь рассказывающего анекдоты старика или хохочущую старушку, что вполне легко представить себе в любом другом городе мира. Здешние обитатели пребывают в легкой форме хронической меланхолии, печальные лучи которой расходятся далеко за пределы отсыревших домов и заполняют сердца всех и каждого, кто только попытается прикоснуться к истории загадочного города.

– Спасибо, но я не буду покупать у вас цветы, – постаралась сказать как можно убедительней и избежать продолжения разговора. Конечно, можно было встать и пересечь на дру-

---

¹⁹ Истикляль – одна из самых известных исторических улиц в Стамбуле в районе Бейоглу.

²⁰ Ждете «Ностальжик»? (тур.)

гую лавку, но я оставалась на месте, потому что именно здесь ко мне приходили светлые и оформленные мысли, которые я незамедлительно заносила в свой блокнот.

– А я вам и не предлагаю их покупать. Я спросил, ждете ли вы трамвай.

– Трамвай? Нет, я просто сижу...

Человек, который сперва показался мне стариком, теперь приосанился и выглядел вполне приятным мужчиной лет пятидесяти, хотя его ужасно старили неопрятная одежда и рассыпающиеся охапки пестрых астр, которые пахли далеким детством, затерявшимся в пыльном углу девичьей памяти. Розовые астры росли в бабушкином саду, и их непременно срезали такими же охапками к первому сентября. Потом мама, подоткнув полы юбки, присаживалась на низком пороге и вязала однотипные букеты, с которыми потом я и соседские детишки дружно семенили в школу, звеня высокими голосами.

Цветочник еще с минуту потоптался на месте, тяжело вздохнул и сел на лавку напротив. Я резко закрыла блокнот и собралась направиться на поиски нового пристанища, но незнакомец протянул мне несколько цветков и улыбнулся так мило, что я снова приземлилась и потянулась за кошельком.

– Ne kadar çiçekler?²¹

– Нисколько! Это вам, чтобы вы улыбнулись.

– Спасибо, но я не могу их так взять.

Как назло, в кошельке не оказалось ни куруша наличности, а банкомата вблизи я не видела. Букетик из астр сиротливо лежал у меня на коленях, а цветочник подбирал рассыпающиеся цветки, чтобы двинуться дальше.

– Вы не бойтесь, – еще раз подбодрил он меня. – Я ведь нормальный человек, как все они, – и он кивнул в сторону группки аккуратных парней в костюмах, спешивших, очевидно, в офис. – Просто мне не повезло... Не повезло с любовью. Я ее нашел и тут же потерял.

«Чичекчи»²²засмеялся приятным бархатным голосом, и астры закивали, будто соглашались со всем сказанным.

– Не сладили с женой? – я старалась как можно тактичнее ненадолго протянуть разговор – как знак благодарности за красивый жест с цветами.

– Нет-нет, до женитьбы не дошло. Моя история простая и неинтересная.

Я снова раскрыла блокнот, показывая, что любая история достойна быть услышанной. И такой малости бывает достаточно, чтобы сделать кому-то приятно.

– Я влюбился в дочку своего босса. Работал водителем в их семье. Вozил хозяина с женой на работу, детей в школу, потом в институт...

– Дочка босса была студенткой?

– Школьницей. Я ждал ее совершеннолетия, и в день ее рождения признался. Она меня тоже любила... Очень любила!

Я глядела на странного вида человека и с трудом верила его фантазиям.

– Вы сомневаетесь? Зря... Это я сейчас так выгляжу, а тогда... У меня были хороший костюм, часы, чудесный автомобиль... Ни одного седого волоса на голове не было!

Сказки про отсутствие седых волос я слышала часто. Стамбульские мужчины нередко хорохорятся друг перед другом, похваляясь молоджавостью и успехом у девушек, а после отправляются к доверенному «куаферу»²³, который отточенными движениями покрывает их пышные шевелюры иссиня-черной краской. После таких манипуляций все без исключения кавалеры предпенсионного возраста напоминают караковых жеребцов, о секретном окраши-

---

²¹ Сколько стоят цветы? (тур.)

²² Цветочник (тур.)

²³ Парикмахер (тур.)

вании которых знают все, но делают вид, что не догадываются. Это своеобразная городская солидарность сродни круговой поруке: ведь каждый однажды может оказаться в их положении.

С трудом мне представлялась юная студентка из благополучной семьи, ответившая взаимностью пятидесятилетнему «шофер-бею» – я определенно ничего не смыслила в стамбульских отношениях, или же любовь все же временами бывала слепа.

– Мы откладывали вместе деньги, чтобы бежать в Грецию, но ее отец все узнал. Он тут же выслал бедняжку учиться в Англию. Мы не успели даже проститься толком. – Его глаза вмиг наполнились слезами, которые он по-мужски промокнул рукавом и звучно шмыгнул носом.

– Не печальтесь так... Может быть, все еще образумится...

– Уже нет. Хозяин сразу уволил, не дав, конечно же, никаких рекомендаций. Затем меня лишили «ehliyet»²⁴ и никуда не брали на работу. Как будто я прокаженный! За несколько месяцев я потерял все и, наверное, умер бы от горя, если бы не память о моей Фюсун...

С недоверием я выслушала безотрадную и необычную историю любви, в которой было море печали и столько же нестыковок.

– Мне нужно идти, – вдруг сорвался он, когда увидел приближающихся патрульных. – Долго сидеть на одном месте нельзя. Я иду в Джихангир²⁵. Если хотите, пойдёмте вместе...

Я быстро сунула блокнот в сумку и поспешила за странным цветочником, который то и дело останавливался то у тротуарного выступа, то под осыпающимся эркером пустующего отеля или у входа в пассаж старинного здания с провисающей дверью на старых заржавленных петлях.

– Я вспоминаю места, которые нас связывают. Тут Фюсун поскользнулась, и я подал ей руку. В тот день она ходила с мамой по магазинам, а я издали любовался ее смешными косичками. Иногда она тайком улыбалась мне... А здесь у нее упала перчатка, когда в первый снег она бежала за трамваем. Я отыскал перчатку и бережно надел ей на руку...

Улицы постепенно наполнялись людьми, которые издавали столько шума, что становилось все труднее понимать тихую и внятную речь моего спутника. Несколько раз я начинала прощаться, но нестерпимое желание дослушать до конца спонтанную исповедь было таким сильным, что я продолжала плестись следом, наблюдая, как астры постепенно переключивались из рук грустного «чичекчи» к равнодушным покупателям. История была странной и в то же время невероятно типичной для этого погрязшего в любовных интригах неугомонного города.

Стамбул буквально полнился трагическими историями подобного толка. Они передавались из уст в уста, из дома в дом, перекидывались на кварталы, пока весь район не начинал судачить о каком-нибудь несчастном, что свел счеты с жизнью из-за отца возлюбленной, не давшего согласия на брак. Классика жанра! Газеты начала прошлого века пестрели цепкими заголовками и еще более душещипательными описаниями последних минут жизни женихов и любовников, невест и любовниц, которые прыгали с многочисленных мостов и башен города с такой частотой, что многие сооружения в конце концов были попросту закрыты для посещения. И даже сейчас, в век прогрессивных взглядов и вседозволенности, порой натыкаешься на печальную новость о том, как очередной юнец бросился с Галатской башни от неразделенных чувств.

---

²⁴ Водительские права (*тур.*).

²⁵ Джихангир – один из богемных районов Стамбула недалеко от площади Таксим, в котором проживают преимущественно творческая интеллигенция и иностранцы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.